

УСКОРЕНИЕ ВРЕМЕНИ

ИГОРЬ СКАКУН

В творческом диалоге с нейросетью МИР

Игорь Скакун

Ускорение времени

«Автор»

2026

Скакун И. В.

Ускорение времени / И. В. Скакун — «Автор», 2026

Время не исчезло с часов. Оно исчезло из жизни. Механик Денис замечает, что ключ успел упасть без звука, работа выполнена без его участия, а дочь не помнит собственного дня. Городская система обещает избавлять людей от рутины. Но кто решает, какие часы человеку больше не нужны? Поиски приводят Дениса к подземной станции, где ожидание научились превращать в ресурс для новых переносов. Пока устройство готовит следующий шаг, отец и дочь пытаются удержать то, что нельзя прожить заранее: неловкий разговор, неожиданную мысль, обычный вечер рядом с близкими. Чтобы вернуть людям право на свою жизнь, придётся согласиться и на её трудные часы. Фантастическая повесть о цене удобства, ответственности за технические решения и времени, которое становится нашим только тогда, когда мы в нём присутствуем.

© Скакун И. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Глава 1. Ключ	6
Глава 2. Красная нить	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Игорь Скакун

Ускорение времени

Аннотация

Время не исчезло с часов. Оно исчезло из жизни. Механик Денис замечает, что ключ успел упасть без звука, работа выполнена без его участия, а дочь не помнит собственного дня. Городская система обещает избавлять людей от рутины. Но кто решает, какие часы человеку больше не нужны?

Поиски приводят Дениса к подземной станции, где ожидание научились превращать в ресурс для новых переносов. Пока устройство готовит следующий шаг, отец и дочь пытаются удержать то, что нельзя прожить заранее: неловкий разговор, неожиданную мысль, обычный вечер рядом с близкими. Чтобы вернуть людям право на свою жизнь, придётся согласиться и на её трудные часы.

Фантастическая повесть о цене удобства, ответственности за технические решения и времени, которое становится нашим только тогда, когда мы в нём присутствуем.

Глава 1. Ключ

Первым исчез не час и даже не минута. Исчез звук падающего ключа.

Я стоял возле разобранного редуктора, держал фонарь зубами и пытался подцепить прокладку. Ключ лежал на краю корпуса. Я задел его локтем, увидел, как он перевалился через край, и приготовился к звону.

Звона не было.

Ключ уже лежал на полу. Фонарь оказался у меня в руке. Крышка редуктора, которую я собирался поднять после обеда, была снята, а на манжете расползлось тёмное масляное пятно.

Я посмотрел на часы над верстаком.

Двенадцать семнадцать.

Только что было одиннадцать пятьдесят две.

В мастерскую вошёл Павел с двумя стаканчиками кофе.

— Ты чего застыл? — спросил он. — Пить будешь?

— Я крышку снимал?

— Мы вместе снимали. Ты ещё ругался, что таль заедает.

Он говорил спокойно. Потом поставил кофе, посмотрел на собственные пальцы и стал счищать с ногтя прилипшую стружку.

— А я обжёгся, — произнёс он с удивлением. — Когда успел?

Я потрогал стаканчик. Тёплый. На внутренней стороне ладони Павла краснела полоса.

К вечеру мы оба перестали об этом говорить. Работа была сдана, акт подписан, начальник доволен. Потерять двадцать пять минут в хорошем смысле считалось удачей. Нам каждый день предлагали экономить время: заказать вместо того, чтобы идти; прослушать вместо того, чтобы прочитать; получить краткое содержание вместо того, чтобы разобраться. Городская служба «Лад» обещала избавить жителей от утомительной рутины. На экранах под её знаком светилось: «Оставьте себе главное».

Мне было сорок четыре. Главное я собирался оставить себе потом.

Дочь приезжала ко мне по средам и через выходные. В другие дни мы обменивались сообщениями. Ника рассказывала голосом, как прошла школа, а я слушал на ускорении, потому что запись длилась семь минут. Иногда отвечал раньше, чем дослушивал. Она перестала присылать длинные записи.

В тот вечер она сидела у меня на кухне и пришивала пуговицу к чехлу для флейты. По столу каталась красная катушка.

— Пап, а у тебя день был?

— Был, конечно.

— Что ты делал?

Я открыл рот и остановился. Редуктор, обед, наряд, дорога. Список получился убедительный. Дня за ним не было.

— Работал.

— У меня тоже школа была. А дня нет.

Я сел напротив.

— Что значит — нет?

Ника провела иглоку сквозь ткань и не сразу ответила.

— Вчера я начала рисовать дом. Хотела придумать, кто в нём живёт. Потом уже лежала в кровати. Дом нарисован, уроки сделаны, мама говорит, мы ужинали. Только я не помню даже, какой дом хотела.

Она протянула мне телефон. На фотографии был аккуратный двухэтажный коттедж с одинаковыми окнами. Ни дерева, ни забора, ни следов на снегу.

— Это не мой, — сказала она.

Я хотел объяснить усталостью. После сорока легко становишься специалистом по чужой усталости. Особенно если не знаешь, что сказать ребёнку.

Но в кармане лежал тот самый ключ. Я зачем-то принёс его домой.

Ника заметила тяжесть, оттопырившую ткань, и улыбнулась:

— Ты теперь и на кухне ремонтируешь?

Я положил ключ между нами.

— Завтра проверим одну вещь.

Мы взяли две чашки, связали ручки красной нитью и поставили их на разные края стола. Я достал старый будильник отца. Он отставал на четыре минуты в сутки, поэтому я давно убрал его в шкаф. Ника принесла школьную тетрадь.

— Что писать?

— Всё, что заметим.

Она написала дату, время, потом подумала и добавила: «Мы оба здесь».

До одиннадцати ничего не произошло. Мы пили чай, перебирали старые фотографии, спорили, чья очередь мыть посуду. Ни одного дела, которое стоило бы занести в отчёт.

Потом Ника уснула на диване. Я укрыл её пледом и вернулся на кухню.

Между чашками лежали короткие обрезки красной нити.

На столе стояли ножницы. Будильник показывал без двадцати два. На телефоне было столько же, если прибавить его обычные четыре минуты.

В тетради моим почерком было написано: «Опыт завершён. Нарушений нет».

Ни слова из этой строчки я не помнил.

Глава 2. Красная нить

Утром я не пошёл на работу.

Я позвонил начальнику, сказал, что заболел, и впервые за несколько лет не стал перечислять симптомы, чтобы оправдать собственное отсутствие. Ника ещё спала. Я смотрел на обрезки нитки и пытался представить, как спокойно встаю, беру ножницы, режу её, потом пишу заключение.

Почему именно такое заключение? Если я счёл опыт глупым, мог бы написать: «Хватит заниматься ерундой». Я так говорил. «Нарушений нет» — говорила система, когда проверяла наряды.

Я открыл домашнюю запись камеры. В половине двенадцатого я вошёл на кухню, выпил воду, постоял. В двенадцать тринадцать достал ножницы. Движения обычные. Лицо спокойное. Потом сел и написал в тетради.

На экране был я. Только решения, которые принимал этот человек, были мне неизвестны. На кухне появилась Ника, босая, с прилипшей к щеке прядью.

— Уже проверили?

Я показал ей запись.

Она смотрела внимательно, без взрослого желания немедленно объяснить неприятное.

— Он тебя уговорил, — сказала она.

— Кто?

— Не знаю. Ты же не злишься. Просто делаешь, будто давно решил.

Я нашёл вчерашнее уведомление «Лада». «Завершена вечерняя разгрузка. Высвобождено восемьдесят шесть минут». Раньше я считал эти числа рекламой: служба заранее оплачивала счета, прокладывала маршруты, распределяла покупки. Восемьдесят шесть минут означали, что мне не пришлось стоять в очереди или искать нужную кнопку.

В настройках нашлась строка «Непрерывность бытового сценария». Под ней — зелёный переключатель и ссылка на согласие, которое я дал два года назад. Тридцать семь страниц. Я прокрутил до пункта о персональной синхронизации.

«Пользователь разрешает оптимизацию повторяющихся интервалов с сохранением функциональной целостности».

— Выключай, — сказала Ника.

Я выключил. Экран поблагодарил меня и сообщил, что выход будет завершён после окончания текущего цикла.

Оставшееся время: девять часов сорок минут.

Мы вынули из розетки домашний узел. Отключили телефоны. Будильник переставили на середину стола. Ника снова связала чашки и нарисовала между ними ломаную линию.

— Теперь рисовать по очереди, — решила она. — Ты продолжаешь мою линию, а я твою. Только нельзя заранее придумывать.

Мы пририсовали птице башенный кран, крану — колёса, колёсам — рыбы плавники. Ника смеялась, когда я пытался объяснить, почему у рыбы есть паспорт. К полудню бумага была вся в нелепых домах и существах.

Я помнил каждую линию.

Потом она ушла умываться. Я взялся за чашку. Следующее, что увидел, — уже сухой след на её дне.

Будильник ушёл вперёд на девятнадцать минут.

Из ванной донёсся крик.

Я рванул дверь. Ника стояла перед зеркалом с влажными волосами. На полу лежало полотенце.

— Я мыла руки, — прошептала она. — Только руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.